

Ч и т а й т е в с е р и и

Дж. М. Кутзее

Детство Иисуса

Дж. М. Кутзее

Сцены из провинциальной жизни

Дж. М. Кутзее

Медленный человек

Дж. М. Кутзее

Школьные дни Иисуса

Р. Флэнаган

Узкая дорога на дальний север

Р. Флэнаган

Смерть речного лоцмана

Р. Флэнаган

Желание

Р. Флэнаган

Неизвестный террорист

Т. Моррисон

Возлюбленная

Т. Моррисон

Боже, храни мое дитя

Д. Лессинг

Марта Квест

М. Этвуд

Слепой убийца

Б. Дилан

Хроники

Б. Дилан

Тарантул

Т. Т. Энг

Сад вечерних туманов

И. Макьюэн

В скорлупе

П. Бейти

Продажная тварь

П. Фицджеральд

Книжная лавка

Тони
Моррисон

Любовь

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М80

Toni Morrison

LOVE

Copyright © Toni Morrison, 2003

Перевод с английского *О. Алякринского*

Оформление серии *К.А. Терина*

Дизайн переплета *А.Г. Саукова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
М. Мовшиной

Моррисон, Тони.

М80 Любовь / Тони Моррисон ; [пер. с англ. О. Алякринского]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-699-96919-7

Билл Коузи, бизнесмен и общественный деятель, сумел сделать невозможное — даже после смерти он продолжает влиять на судьбы близких людей. Отец, муж, любовник — он успел примерить на себя разные образы. Некоторые ему очень шли, а в некоторых Билл был настоящим чудовищем. Но книга эта не о нем, а о женщинах, окружавших его, и о чувствах, которые он у них вызвал. У каждой из героинь будет шанс рассказать свою историю, полную приятных и не очень воспоминаний. А нам останется лишь выслушать их и решить: чего было больше в их жизни — любви или ненависти.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Алякринский О., перевод
на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-699-96919-7

Женщины раздвигают ноги, а я мурлычу себе под нос. Мужчины раздражаются, но они знают: это же для них! И успокаиваются. Всегда держаться в стороне, ни во что не вмешиваясь, и только наблюдать — это пытка! Но я не говорю ни слова. Я вообще по натуре тихоня. Ребенком меня считали достойной уважения. В молодости называли благоразумной. Много позже во мне обнаружили мудрость, которая приходит в зрелости. В наши дни молчание воспринимается как странность, и большинство моих соплеменниц позабыли красоту многозначительного немногословия. Теперь у всех языки без костей — мелют, не утруждая мозгов. А ведь когда-то я могла поддерживать нормальную беседу и, если возникала нужда, умела привести довольно сильный довод, чтобы пресечь несдержанность чрева — или ножа. Теперь не могу, потому что еще в семидесятых — как принялись женщины оседлывать стулья в бесстыдных позах да танцевать в телевизоре, выставляя срамные места напоказ, а в журналах стали печатать фотографии с голыми задницами да вывернутыми наружу ляжками, словно у женщин это самое главное, — я просто зат-

кнулась. До того как женщины стали раздвигать на публике ноги, у всех были свои секреты — кто-то их при себе держал, кто-то выбалтывал всем и каждому. А теперь? Нет. И раз сегодня модно выставлять все напоказ, я тихо мурлычу себе под нос. Слова танцуют у меня в голове под мелодию, которую я напеваю. Люди заходят сюда, чтобы заказать тарелку креветок или просто приятно провести время, и даже не замечают, что болтают, не закрывая рта, только они. А я тут как фон — как музыка в кино, которая начинает тихо звучать при первой встрече влюбленных или когда муж бредет в одиночестве по песчаному пляжу и гадает, не заметил ли кто, как он совершил дурной поступок, потому что не смог сдержаться... Мое мурлыканье побуждает людей действовать, принимать важные решения, — вот как, допустим, Милдред Пирс¹ решает, что ей надо ради дочери отправиться в тюрьму. Подозреваю, что, хоть и тихая, моя мелодия оказывает на людей такое же воздействие. Как звучащее над океаном «Настроение индиго»² может подействовать на пловца. Музыка, конечно, не заставит вас нырнуть с головой, но она способна придать уверенность движениям ваших рук или проделать такой фокус, что вы вдруг слепо уверуете в свою силу и удачу. И вот вы уже го-

¹ Героиня одноименного фильма (1945) в жанре нуар с Джоан Кроуфорд в главной роли. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² *Mood Indigo* — музыкальная композиция мэтра американского джаза Дюка Эллингтона (1899–1974).

товы без оглядки плыть дальше и дальше. И даже не задумываетесь, что под вами — бездна! Она же где-то далеко внизу и никак не может повлиять на ваш дух, расхрабренный под звуки кларнетов или рояльных наигрышей... Разумеется, на такую власть над людьми я не претендую. Моего мурлыканья по большей части никто, кроме меня, и не слышит, оно как нельзя кстати подходит старухе, оробевшей перед незнакомым миром, для нее это способ противиться нравам современной жизни. Когда все известно, да ничего непонятно. Может, так оно всегда и было, но меня только лет тридцать тому назад торкнуло, что проститутки, имевшие репутацию честных женщин, у нас всегда задавали стиль. А может, дело не в их честности, а в их успехе. Хотя, бесстыдно оседлав стул или отплясывая полуголыми в телевизоре, женщины девяностых ничем не отличаются от уважаемых дам, живущих тут по соседству. У нас же край особенный: океанское побережье, влажный климат, богобоязненные жители, где отчаянное безрассудство женщин проявляется в желании надеть короткие шортики или трусики-тонги или попозировать перед фотоаппаратом. Но как и тогда, так и сейчас, будь они в приличном белье или совсем без белья, наши безрассудные женщины не умеют скрывать свою непорочность — эту, так сказать, розовую мечту о прекрасном принце, который скачет к ним издалека на белом коне. В особенности это касается женщин ожесточившихся, с острыми ножами да грязными языками, или гламурных, с дорогими спорткарами и наркотой в сумочках. Но

даже те, кто щеголяет шрамами на лице, точно президентскими медалями, и чулками, спущенными к лодыжкам, не могут изжить в себе ребенка, милую девчушку, притаившуюся глубоко внутри, между ребер, или, лучше сказать, под сердцем. Ясное дело, у каждой наготове есть своя печальная история: слишком много внимания, или недостаток внимания, или что-то того хуже. Есть у них истории о безжалостном папочке, или мужчине с лживым сердцем, или противной матери и подлых и коварных подругах. И в любой такой истории обязательно фигурирует монстр, из-за которого они ожесточились душой, а не окрепли духом, и вот они раздвигают ноги, вместо того чтобы раскрыть душу, где спрятался свернувшийся клубком ребенок.

Иногда рана настолько глубока, что одной только жалостливой истории недостаточно. И фокус в том, что единственный способ объяснить причину kloкочущего безумия, которое стало для них непосильным бременем, заставило ненавидеть друг друга и погубить своих детей, — это придумать постороннюю злую силу. Люди в Ап-Бич, откуда я родом, частенько рассказывали байки о чудющах — их называли у нас Полицеглавами, — мерзких тварях в широкополых шляпах, которые, выпрыгнув из океана, карали дурных женщин и пожирали непослушных детей. Моя мать слыхала про них в детстве, когда у нас обожали рассказывать всякие небылицы. Они на какое-то время пропали и потом снова вернулись — в новеньких шляпах с еще более широкими полями, а было это в сороковые, когда на побережье произошло несколько поучительных

происшествий. Жертвой одного несчастья стала местная женщина: однажды ночью она озорничала на пляже с мужем своей соседки, а на следующий день с ней случился удар — прямо во время смены на консервном заводе, она как раз разделявала рыбу ножом. Тогда ей было двадцать девять. И еще помню случай с другой женщиной — та жила в Силке и ни с кем в Ап-Бич не общалась, — так вот, как-то ночью она зарыла в песок прямо перед земельным участком своего свекра фонарик и свидетельство о собственности, и надо же такому случиться, что той же ночью их откопала выползшая на берег морская черепаха. Бедняга невестка сломала себе запястье, пытаясь спасти от ветра и Клана¹ украденную ею бумагу. Само собой, никто не видал никаких Полицеглавов живьем, и обе те женщины сами виноваты в своем позоре, но я-то точно знала, что эти чудища там шастают, и знала, как они выглядят, потому как уже видала их в 1942 году, когда два малолетних оболтуса заплыли за буйки и утонули. И как только их утянуло на дно, прямо над их вопящей мамашей и обомлевшими от ужаса отдыхающими собрались грозовые тучи и в мгновение ока превратились в профили разинувших рты мужчин в широкополых шляпах. Кто-то тогда услышал раскаты грома, но я, клянусь вам, услыша-

¹ Имеется в виду «третий» Ку-клукс-клан — созданное в 1946 г. общество белых расистов, преследовавших чернокожих активистов и объявивших себя наследниками двух «старых» кланов, которые действовали в южных штатах соответственно в 1860-е и 1920-е гг.

ла крики радости. С тех пор, на протяжении пятидесятих, они болтались в небе над прибоем или зависали над пляжем, готовые броситься на любого в предзакатный час (ну, знаете, когда похоть распаляется, и морские черепахи роют себе гнезда в песке, а беспечных родителей клонит в сон). Ясное дело, у всех демонов, как и у нас, голод пробуждается в вечернее время. Но Полицеглавам нравилось выходить на охоту и по ночам, особенно когда отель заполнялся постояльцами, пьяными от танцев, музыки и морского воздуха, или соблазненными звездами, искрящимися над океаном. Это было время, когда отель Коузи считался самым знаменитым курортом для цветных на Восточном побережье. Сюда приезжали все: Лил Грин, Фата Хайнс, Ти-Боун Уокер, Джимми Лансфорд, «Дропс оф джой»¹, и даже гости издалека, из Мичигана и Нью-Йорка, с нетерпением ждали возможности провести здесь летний отпуск. В Сукер-Бей наезжали армейские лейтенанты и мамыши с новорожденными, молодые учителя, домовладельцы, врачи, бизнесмены. По всему пляжу можно было видеть, как ребяташки скачут у пап на коленках или закапывают дядек в песок по шейку. Отдыхающие — и мужчины, и

¹ Лил Грин (1919–1954) — джазовая певица; Эрл Кеннет (Фата) Хайнс (1903–1983) — джазовый пианист; Аарон Тибо (Ти-Боун) Уокер (1910–1975) — блюзовый гитарист; Джеймс Мелвин (Джимми) Лансфорд (1902–1947) — джазовый саксофонист. «Дропс оф джой» — ансамбль, с которым в конце 1940-х и в 1950-е гг. выступал певец и гитарист Томми Лиггинс (1918–1983).

женщины — играли в крокет или бейсбол, стараясь запустить мяч подальше в волны. Бабушки приносили красные термосы с белыми ручками и корзинки с крабовым салатом, ветчиной, жареными цыплятами, сдобными пирожками, лимонными кексами, о господи... А потом ни с того ни с сего в 1958 году, утром спозаранку, налетела стая Полицеглаво. В тот самый день, как раз перед завтраком утонули кларнетист и его молодая жена. К берегу прибило надутую автомобильную камеру, на которой они плавали, а к камере прилипли клочки бороды с застрявшей в ней рыбьей чешуей. Поговаривали, будто новобрачная загуляла во время медового месяца, потом эту сплетню долго обсасывали, словом, история была мутная. Хотя понятно одно: возможностей загулять у нее было сколько хочешь. На курорте Коузи симпатичных одиноких мужчин в расчете на один квадратный фут было куда больше, чем в любом месте за пределами Атланты и даже Чикаго. Они приезжали сюда послушать знаменитых музыкантов, ну и, конечно, потанцевать с красивыми женщинами под шум морского прибоя.

И после того, как утонувшую пару развели — ну, то есть отправили по разным похоронным конторам, — всем стало ясно, что беспутным женщинам и безмозглым детям уже не нужно никакого особого предостережения, потому как все поняли, что спасения нет: быстрее молнии, ночью и днем, Полицеглавы могли выскочить прямо из волн и наказать заблудших женщин или сожрать малолетних шалунов. И только когда курорт пришел в

упадок, они вмиг разбежались врассыпную, точно карманники из хлебной очереди. Наверное, немногие из тех, кто до сих пор запускает в безлюдных бухточках донные ловушки для крабов, их еще помнят, но теперь, когда уже давным-давно нет у нас ни биг-бендов, ни новобрачных, приезжающих провести здесь медовый месяц, ни прогулок на яхтах, ни пикников на пляже, ни купальщиков и Сукер-Бей превратился в свалку морского мусора, Ап-Бич же и вовсе затопило¹, никому не придет в голову вспоминать про широкополые шляпы и бороды с рыбьей чешуей. С тех пор минуло сорок лет, женщины Коузи спрятались и носа не кажут, и мне за них все время как-то боязно.

Ап-Бич ушел на двадцать футов под воду — наводнение пощадило только меня да несколько рыбацких лачуг. Но курортный отель Коузи уцелел. Кое-как, но стоит. Такое впечатление, будто он назад пятится — спасаясь от ураганов и нескончаемых порывов песчаного ветра. Чудно, что океан может сотворить с пустующим зданием на побережье. Прямо на ступенях отеля можно найти неопишуемой красоты ракушки — они там валяются точно рассыпанные лепестки или упавшие с бального платья брошки-камеи. Удивительно, как их забросило так далеко от океана. Песок, холмиками скопившийся по углам веранды и между перил, белее и мягче, чем на пляже, словно дважды

¹ Речь идет о разрушительном урагане «Агнес», обрушившимся в июне 1972 г. юго-восточное побережье США.

просеянная мука. Вокруг веранды все заросло наперстянкой, вымахавшей до пояса, а розы, которые никогда не приживались на наших почвах, тут разгулялись вовсю: шипов на них больше, чем на кустах барбариса, а свекольно-красные бутоны не вянут неделями. Дощатая обшивка стен кажется посеребренной, а облупившаяся краска напоминает прожилки на матовом чайном сервизе. На больших двойных дверях висит замок. До сих пор никто еще не выбил стекло из дверных панелей, да и кто бы на такое решился — ведь стекла зеркальные, и в них отражаются твое лицо и пейзаж у тебя за спиной: огромное поле жесткой травы, окаймляющее спящий на солнце пляж, и безбрежное, как на киноэкране, небо, и океан, тоскующий без людей. А если заглянуть внутрь, то, несмотря на видимое запустение, чудится, что заброшенный отель припрятал для тебя и экстаз, и компанию лучших друзей. И музыку. Скрип ставня звучит точно всхлип трубы, клавиши рояля издают коротенькую трель, перекрывая шум ветра, так что ты даже и не заметишь боль, пронизывающую холмы и запертые номера.

В наших краях климат мягкий и свет особенный. Бледное утро перетекает в белый полдень, а к трем пополудни краски становятся такими дико-яркими, что невольно испугаешься. Изумрудные и сапфировые волны шибаются друг с другом, взбивая обильную пену, так что в ней хоть белье стирай. Вечернее небо приобретает такой оттенок, словно оно с другой планеты — где природа

не соблюдает никаких правил: где солнце, если пожелает, может стать фиолетовым точно слива, а облака — красными как мак. Наш берег словно засыпан сахаром, о чем, кстати, и подумали испанцы, когда его впервые увидели. «Сукра», то есть сахар, — так они называли пляж, а местные белые потом вечно коверкали это слово, вот и повелось называть наше побережье «Сукер».

Никто никогда на здешний климат не жаловался, ну разве что до той поры, пока вонь с консервного завода не добралась до пляжа и не прокралась в отель. И только когда постояльцы столкнулись с тем, с чем жители Ап-Бич уже давно смирились, до них дошло, почему мистер Коузи выстроил для себя большой дом на Монарх-стрит и перевез туда из отеля свою семью. Там запах рыбы не так сильно ощущался. Как болотный смрад или как сортирное амбре, эта рыбная вонь была всего лишь добавочной ноткой в местном букете ароматов. Но в шестидесятые это стало проблемой. Женщины нового поколения были недовольны тем, что вонь проникает в одежду и еду и портит их представления о романтическом отдыхе. В то время все решили, будто духи — единственный запах, для которого предназначен ваш нос. Помню, как Вида пыталась урезонить подружку одного знаменитого певца, которая уверяла, что, дескать, говяжий стейк у нее на вкус как тухлый моллюск. Эта чушь меня оскорбила, потому что на кухне у меня никогда никаких промахов не случалось. Потом мистер Коузи сокрушался, что это и сгубило его бизнес — мол, белые сыграли с ним злую шутку, позволив ску-

пить всю землю на побережье, потому как из-за близости консервного завода земля перестала приносить прибыль. И именно из-за рыбной вони его курорт, мол, превратился в карикатуру. Но я-то точно знаю: вонь, что висела над Ап-Бич плотным облаком, в Сукер-Бей долетала всего раз или два за месяц — а с декабря по апрель, когда ловушки для крабов пустовали и консервный завод временно закрывался, ее вообще не ощущалось. Нет. Какие бы объяснения он ни приводил, его курорт погорел совсем по другим причинам. Мэй считала, что во всем виновата свобода. После того как ее свекор потерял интерес к отелю, она изо всех сил старалась удержать его на плаву. Она была убеждена, что и их семью, и их бизнес разрушили гражданские права. То есть, по ее мнению, цветных тогда больше увлекали бунты в городах, чем танцы у моря. Она любила рубануть правду-матку, эта Мэй, у нее все началось с полоумных фантазий, а потом вылилось в форменное безумие. Факт тот, что люди, которые в сороковые бахвалились тем, что провели отпуск не где-нибудь, а на курорте у Коузи, в шестидесятые уже похвалялись отдыхом в «Хаяттах» или «Хилтонах», круизами на Багамы или в Очо-Риос¹. По правде сказать, ни вонючие ракушки, ни расовая интеграция тут ни при чем. Дело было не в капризной дамочке, у которой стейк якобы отдавал моллюсками, — да наши постояльцы готовы были сидеть хоть рядом с сортиром, лишь

¹ Курортный город на Ямайке.